

ся на мировых рынках. Таким образом, гармонизация национальных стандартов является важнейшим элементом в комплексе мер, обеспечивающих соответствие единым требованиям мирового сообщества.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Магарил, Е.Р. Влияние моторных топлив на эксплуатационные и экологические характеристики автомобилей: учеб. пособие / Е.Р. Магарил. — М.: КДУ, 2008.
2. Директива Европейского парламента и Совета 2003/17/ЕС от 03.03.2003 г., вносящая изменения в Директиву 98/70/ЕС, касающуюся качества бензина и дизельного топлива // Офиц. сайт Гос. ком. по стандартизации и сертификации Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosstandart.gov.by>. — Дата доступа: 14.12.2011.
3. Директива Европейского парламента и Совета 98/70/ЕС от 13.10.1998 г., касающаяся качества бензина и дизельного топлива и вносящая поправку в Директиву Совета 93/12/ЕЕС // Офиц. сайт Гос. ком. по стандартизации и сертификации Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gosstandart.gov.by>. — Дата доступа: 14.12.2011.
4. Национальная система подтверждения соответствия Республики Беларусь. Технический регламент «Автомобильный бензин и дизельное топливо. Безопасность»: ТР 2008/011/ВУ. — Введ. 01.07.10. — Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2010. — 10 с.

*Статья поступила
в редакцию 06.11.2012 г.*

Н.Ф. КОВКЕЛЬ

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Определение логической структуры нормативных правовых предписаний законодательства является одной из сложных и нерешенных проблем в современной теории права и формальной логике. Между тем от успешного решения данной проблемы во многом зависит осуществление процесса формализации, т. е. перевода на искусственный, символический язык, текстов как отдельных нормативных правовых актов, так и всей системы законодательства в целом. Формализация законодательства позволит автоматизировать процесс логического контроля за его состоянием и решить множество проблем законотворческого процесса: проанализировать тексты нормативных правовых актов, установить наличие в них противоречий и несогласованностей, выявить излишние повторения, пробелы и т. д., т. е. создать действительно логически стройную, непротиворечивую и согласованную систему законодательства.

Смежная с исследуемой проблема формализации правовых норм анализировалась в работах В.Г. Антропова [1], О.А. Гаврилова [2; 3], А.А. Ивина [4], В.О. Лобовикова [5], А.Г. Ольшанецкого [6], В.А. Пошквичюса [7], Г.Т. Чернобель [8], Л.А. Шибасевой [9] и др. Наиболее полно логическая структура правовой нормы определена в работах О.А. Гаврилова [2; 3; 10] и др. Используя аппарат логики высказываний, О.А. Гаврилов следующим образом формализовал структуру полной нормы права:

Наталья Францевна КОВКЕЛЬ, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права Белорусского государственного экономического университета.

$$N = ((J \rightarrow D) \wedge (J \wedge \bar{D})) \rightarrow S, \quad (1)$$

где N — правовая норма, J — условия действия нормы права; D — правовое предписание; S — санкция, логические связки: « $\rightarrow$ » — «если..., то...», « $\wedge$ » — «и», « $\bar{}$ » — «отрицание» [10, 126]. Очевидно, что логика высказываний не является достаточным основанием для формализации структуры нормы права, поскольку в приведенной формуле (1) не конкретизировано правовое предписание D и тем самым не определен даже обязывающий, запрещающий или разрешающий характер нормы. Осознавая указанную неполноту, О.А. Гаврилов уточняет формально-логическую модель структуры правовой нормы при помощи аппарата и средств деонтической логики

$$N = ((J \rightarrow Od) \wedge (J \wedge \bar{d})) \rightarrow Os, \quad (2)$$

где все символы имеют то же значение, что и в формуле (1), а деонтический оператор O означает обязательно (в логических структурах норм права могут также использоваться операторы: F — запрещено, P — разрешено) [10, 132]. Однако и формула (2) неполно определяет логическую структуру нормы права, поскольку в ней отсутствует указание на субъекты права, которым она адресована, не фиксированы объекты права, не проведена квантификация переменных и т. д.

Представляется, что решению проблемы формализации правовых норм должен предшествовать анализ логических структур нормативных правовых предписаний законодательства. Проблема определения логической структуры нормативного правового предписания исследовалась в работах таких авторов, как Л.Б. Алексеева [11], М.И. Земляной [12], А.Л. Парфентьев [13], А.А. Старченко [14]. В результате этих исследований наметились два подхода к определению логической структуры нормативного предписания.

Одни авторы (М.И. Земляной, А.А. Старченко) отождествляют логическую структуру нормы права и нормативного предписания. Так, М.И. Земляной отождествляет структуру нормативного предписания с нормой одно- или двухэлементной структуры, если речь идет о неполной структурной форме нормы права, или с нормой трехэлементной структуры, если речь идет о полной структурной форме нормы права [12, 19—21]. А.А. Старченко отождествляет структуру нормативного предписания со структурой трехэлементной нормы права, при этом определение последней отличается у него от определения трехэлементной нормы в теории права [14, 45—46].

Другие авторы (Л.Б. Алексеева, А.Л. Парфентьев) разграничивают логическую структуру нормы права и логическую структуру нормативного предписания [11, 52; 13, 35, 55—58]. Такой подход к данной проблеме представляется более обоснованным, поскольку норма права и нормативное правовое предписание — различные понятия и обозначаемые ими объекты обладают различными логическими структурами.

Наиболее полно проблема логической структуры нормативного правового предписания разработана А.Л. Парфентьевым. Правильным представляется, прежде всего, методологический подход к исследованию данной проблемы: автор исходит из детального компонентного анализа нормативных предписаний. А.Л. Парфентьев называет следующие компоненты содержания нормативных правовых предписаний: 1) авторитет; 2) адресат; 3) характер отношения между авторитетом и адресатом в виде правовой модальности; 4) объект(ы) права; 5) вид деяния или правового состояния; 6) правовая санкция; 7) юридические факты; 8) признаки, присущие конкретным субъектам и объектам права, правоотношениям и т. д.; 9) средства, с помощью которых субъекты права достигают определенных результатов; 10) методы, т. е. способы воздействия на субъекты или объекты

права; 11) правовые цели; 12) свойства, характеризующие юридическую природу правовых предписаний. При этом к обязательным компонентам содержания нормативно-правовых предписаний он относит адресат (2), правовую модальность (3), объект(ы) права (4), вид деяния или правового состояния (5) [13, 57—58].

При определении логических структур нормативных предписаний А.Л. Парфентьев исходит из следующего. Все предписания он делит на простые и сложные, а также, следуя за М.И. Земляным, на предписания-свойства и предписания-отношения. В предписаниях-свойствах закрепляются отношения субъектов права непосредственно к объектам права. В предписаниях-отношениях закрепляются отношения между субъектами права по поводу определенных объектов права. Логические структуры простых нормативно-правовых предписаний определяются А.Л. Парфентьевым следующими общими формулами:

$$\mathcal{Q}s \mathcal{Q}o \text{ Md } (s, o) \text{ — предписание-свойство,} \quad (3)$$

$$\mathcal{Q}s_1 \mathcal{Q}s_2 \mathcal{Q}o \text{ Md } (s_1, s_2, o) \text{ — предписание-отношение,} \quad (4)$$

где $\mathcal{Q}$ — общий квантор, вместо которого в конкретные логические структуры нормативных предписаний подставляются соответствующие кванторы общности ($\forall$), существования ($\exists$) или единственности ($\exists!$); s — субъект(ы) права, а цифровые индексы при них обозначают: 1 — активного субъекта, 2 — пассивного субъекта; o — объект(ы) права; M — общий деонтический оператор, вместо которого в конкретные логические структуры нормативных предписаний подставляются соответствующие деонтические операторы: O — обязательно, F — запрещено, P — разрешено, R — рекомендовано; d — действие [13, 94—96].

Исследование логической структуры сложных нормативно-правовых предписаний А.Л. Парфентьев ограничивает рассмотрением лишь предписаний с условной частью. Логические структуры сложных нормативных предписаний с условной частью он определяет следующими формулами:

$$\mathcal{Q}s \mathcal{Q}o (a \rightarrow \text{Md } (s, o)) \text{ — предписание-свойство,} \quad (5)$$

$$\mathcal{Q}s_1 \mathcal{Q}s_2 \mathcal{Q}o (a \rightarrow \text{Md } (s_1, s_2, o)) \text{ — предписание-отношение,} \quad (6)$$

где a — условие действия предписания, а все остальные символы имеют то же значение, что и в формулах (3), (4) [13, 96—98].

Предложенные А.Л. Парфентьевым формулы логических структур нормативно-правовых предписаний нуждаются в определенной конкретизации. В частности, необходимо расширить формулу логической структуры простого нормативно-правового предписания-отношения (4) с помощью использования субъективных деонтических операторов и логической теории человеческого взаимодействия. Существенного дополнения требуют также формулы логических структур сложных нормативно-правовых предписаний. Следует определить все возможные варианты их логических структур, а именно: предписаний, содержащих два элемента нормы права (гипотезу и диспозицию либо диспозицию и санкцию), и предписаний, содержащих все три элемента нормы права.

Учитывая изложенное, можно определить логические структуры нормативных правовых предписаний законодательства, используя предварительный компонентный анализ их содержания, аппараты логики высказываний, логики предикатов и деонтической логики, а также логическую теорию человеческого взаимодействия. При этом мы будем исходить из деления нормативных правовых предписаний на простые и сложные, а также

на предписания-свойства и предписания-отношения. При определении логических структур нормативных предписаний будут использованы следующие символические обозначения: $A, A_1, \dots, A_n$ — виды условий (гипотезы); M, O, F, P, R — операторы объективной деонтической модальности (O — обязательно, F — запрещено, P — разрешено, R — рекомендовано); V, S — операторы субъективной деонтической модальности (V — обязанность, S — правомочие); N, U — основные операторы логической теории человеческого взаимодействия (N — требование, U — предоставление); K, E, K, T — специфические (правовые) операторы логической теории человеческого взаимодействия (K — совершать, E — дать, K — не совершать, T — стерпеть); $s, s_1, \dots, s_i$ — виды субъектов права; $o, o_1, \dots, o_j$ — виды объектов права; $d, d_1, \dots, d_e$ — виды действий; $\mathcal{Q}, \forall, \exists, \exists!$ — кванторы общности, существования и единственности; логические связки: « $\rightarrow$ » — «если... то», « $\wedge$ » — «и», « $\bar{}$ » — «отрицание».

Логические структуры простых нормативных предписаний-свойств и предписаний-отношений были, на наш взгляд, правильно выражены А. Л. Парфентьевым в указанных выше формулах (3), (4). В связи с этим необходимо отметить лишь следующие моменты. Логические структуры простых нормативных предписаний-свойств и предписаний-отношений, как это следует из приведенных формул (3), (4), могут изменяться по количеству, деонтической модальности, деянию, субъектам и объектам права. Так, подставляя в формулы (3), (4) вместо $\mathcal{Q}$ соответствующие кванторы ($\forall$ — общности, $\exists$ — существования или $\exists!$ — единственности), мы получаем деление структур этих предписаний по количеству. Структуры простых предписаний-свойств и предписаний-отношений изменяются и по деонтической модальности: вместо M в формулы (3), (4) подставляются соответствующие деонтические операторы (O — обязательно, F — запрещено, P — разрешено, R — рекомендовано). Так образуются обязывающие, запрещающие, управомочивающие и рекомендательные предписания. Структуры простых нормативных предписаний изменяются также по деянию ($d_1, \dots, d_e$), субъектам ($s_1, \dots, s_j$) и объектам ($o_1, \dots, o_j$) права.

Структуры простых нормативных предписаний могут усложняться указаниями на способы и средства деяния, время и место действия. Условно эти компоненты можно обозначить следующим образом: m — способ действия, c — средство действия, t — время действия, p — место действия. Причем запись переменных в круглых скобках формул (3), (4) должна быть строго фиксирована: субъект, объект, способ, средство, время и место действия. Следует отметить, что значения всех переменных, употребляемых в формулах, обязательно должны быть заданы в соответствующих классификаторах.

Особую группу среди простых предписаний-свойств составляют предписания-дефиниции. Их логические структуры обладают некоторыми особенностями. В качестве объектов права в них выступают сами дефиниции, имеющие структуру следующего вида: $s — p$ (s есть p), где s — *definiendum* (определяемая часть), а p — *definiens* (определяющая часть). Квантификация субъекта осуществляется в этих предписаниях посредством квантора общности $\forall$. А квантификация объекта в предписаниях-дефинициях осуществляется только посредством квантора единственности $\exists!$, поскольку каждая законодательная дефиниция индивидуализирована. Кроме того, в логическую структуру простых предписаний-дефиниций всегда входит деонтический оператор O — «обязательно».

Учитывая отмеченную специфику, можно определить общую логическую структуру предписаний-дефиниций в виде следующей формулы:

$$\forall s \exists! (s — p) O d (s, (s — p)), \quad (7)$$

где $\forall$ — квантор общности; s — субъекты права; $\exists!$ — квантор единственности; $(s — p)$ — объект права, т. е. дефиниция; O — деонтический оператор обязательно; d — понимать.

Например, предписание-дефиниция, содержащееся в ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь, имеет следующую логическую структуру:

$$\forall s_1 \exists! (s - p)_1 O d_1 (s_1, (s - p)_1), \quad (8)$$

где $\forall$ — квантор общности; s_1 — субъекты права, которым адресована данная легальная дефиниция; $\exists!$ — квантор единственности; $(s - p)_1$ — «юридическим лицом признается организация, которая...»; O — деонтический оператор «обязательно», d_1 — понимать.

Следует также отметить, что общая логическая структура простых предписаний-отношений (4) может быть конкретизирована посредством использования операторов субъективных деонтических модальностей и операторов логической теории человеческого взаимодействия. Субъективные деонтические модальности, как отмечалось выше, выражаются следующими операторами: V — обязанность, S — правомочие. Основными операторами логической теории человеческого взаимодействия являются следующие: N — требование, U — предоставление, а специфическими операторами следующие: K — совершать, E — дать, $\bar{K}$ — не совершать (воздержаться), T — стерпеть. Условно обозначим операторы субъективных деонтических модальностей символом M_1 , основные операторы логической теории человеческого взаимодействия — символом L , а специфические операторы — символом L_1 .

Расширив общую логическую структуру нормативно-правовых предписаний-отношений (4) указанными операторами, получим их конкретизированную структуру в виде формулы

$$\exists s_1 \exists s_2 \exists o M M_1 L L_1 d (s_1, s_2, o), \quad (9)$$

где все символы имеют то же значение, что и в формуле (4): M_1 — символ, вместо которого в конкретных логических структуры нормативных предписаний подставляются соответствующие операторы субъективных деонтических модальностей; L — символ, обозначающий основные операторы логической теории человеческого взаимодействия; L_1 — соответственно ее специфические операторы.

Приведенная формула (9) позволяет детально определить логическую структуру простого нормативного предписания-отношения. Например, конкретизированная логическая структура предписания-отношения, закрепленного в п. 1 ст. 1053 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «Завещатель может поручить исполнение завещания указанному им в завещании лицу, не являющемуся наследником (исполнителю завещания, душеприказчику)», может быть выражена следующей формулой:

$$\exists s_1 \exists s_2 \exists o_1 P S U K d_1 (s_1, s_2, o_1), \quad (10)$$

где $\exists$ — квантор существования; s_1 — завещатель; s_2 — исполнитель завещания, душеприказчик; o_1 — наследственное право; P — оператор объективной деонтической модальности «разрешено»; S — оператор субъективной деонтической модальности «правомочие» (по поручению исполнения завещания); U — предоставление; K — совершать; d_1 — действия по поручению исполнения завещания.

Логические структуры сложных нормативно-правовых предписаний законодательства можно разделить на три группы: 1) сложные предписания, содержащие гипотезу и диспозицию (регулятивные предписания); 2) сложные предписания, содержащие диспозицию и санкцию (охранительные предписания); 3) сложные предписания, содержащие гипотезу, диспозицию и санкцию, т. е. полную норму права.

Общая логическая структура сложных регулятивных предписаний-свойств может быть выражена следующей формулой:

$$A \rightarrow Qs Qo Md (s, o). \quad (11)$$

Общая логическая структура сложных регулятивных предписаний-отношений выражается формулой

$$A \rightarrow Qs_1 Qs_2 Qo Md (s_1, s_2, o). \quad (12)$$

В формулах (11), (12) все символы имеют то же значение, что и в приведенных выше формулах (3), (4): символ A обозначает условие действия предписания, « $\rightarrow$ » — логическую связку «если..., то».

Например, логическая структура сложного регулятивного предписания-свойства, содержащегося в ч. 1 ст. 310 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь: «Хозяйственные суды рассматривают дела с участием иностранных лиц, если организация-ответчик находится или гражданин-ответчик имеет место жительства на территории Республики Беларусь». имеет следующий вид:

$$A \rightarrow \exists s_1 \exists o_1 Pd_1 (s_1, o_1), \quad (13)$$

где A — случаи, когда организация-ответчик находится или гражданин-ответчик имеет место жительства на территории Республики Беларусь; $\exists$ — квантор существования; s_1 — хозяйственные суды; o_1 — рассмотрение дел хозяйственными судами; P — разрешено (вправе); d_1 — рассматривать дела; « $\rightarrow$ » — логическая связка «если..., то».

В сложных нормативных правовых предписаниях простые предписания соединяются между собой посредством логических союзов конъюнкции (соединения), не исключающей или исключающей дизъюнкции (разделения), импликации или эквивалентности (условия). Следует также отметить, что условная часть (гипотеза) сложных нормативных правовых предписаний также может быть сложной. В нее могут входить несколько отдельных высказываний, которые связываются различными логическими связками.

Логическую структуру сложных охранительных предписаний-свойств можно определить следующим образом:

$$(Qs Qo Md (s, o)) \wedge (\bar{d} (s, o) \rightarrow OS (z, s)), \quad (14)$$

где все символы имеют то же значение, что и в формуле (3): O — оператор объективной деонтической модальности «обязательно», S — санкция; z — символическое обозначение органа, применяющего санкцию; « U » — логическая связка «и»; « $\rightarrow$ » — логическая связка «если..., то»; « $\bar{\quad}$ » — «отрицание».

Примером сложного охранительного предписания-свойства может послужить предписание п. 1 ст. 205 Уголовного кодекса Республики Беларусь: «Тайное похищение имущества (кража) наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок». Логическая структура этого предписания имеет следующий вид:

$$(\forall s_1 \exists o_1 Fd_1 (s_1, o_1)) \wedge (\bar{d}_1 (s_1, o_1) \rightarrow OS(z_1, s_1)), \quad (15)$$

где $\forall$ — квантор общности; $\exists$ — квантор существования; s_1 — субъекты права; o_1 — право собственности; F — оператор «запрещено»; d_1 — тайное похищение чужого имущества, O — оператор «обязательно»; S — санкция «ли-

шение свободы на срок...»; z_1 — орган, применяющий санкцию; « $\wedge$ » — логическая связка «и»; « $\bar{}$ » — «отрицание»; « $\rightarrow$ » — логическая связка «если..., то».

Логическую структуру сложных охранительных предписаний-отношений можно выразить следующей формулой:

$$(\mathcal{Q}s_1 \mathcal{Q}s_2 \mathcal{Q}o \text{ Md}(s_1, s_2, o)) \wedge (\bar{d}(s_1, s_2, o) \rightarrow OS(z, s_1)), \quad (16)$$

где все символы имеют то же значение, что и в формуле (14): s_1 — активный субъект права; s_2 — пассивный субъект права.

Логическая структура сложных нормативных предписаний-свойств, содержащих все три элемента нормы права (гипотезу, диспозицию и санкцию), имеет следующий вид:

$$A \rightarrow (\mathcal{Q}s \mathcal{Q}o \text{ Md}(s, o)) \wedge (\bar{d}(s, o) \rightarrow OS(z, s)). \quad (17)$$

Логическая структура сложных предписаний-отношений, включающих гипотезу, диспозицию и санкцию, может быть выражена следующей формулой:

$$A \rightarrow (\mathcal{Q}s_1 \mathcal{Q}s_2 \mathcal{Q}o \text{ Md}(s_1, s_2, o)) \wedge (\bar{d}(s_1, s_2, o) \rightarrow OS(z, s_1)). \quad (18)$$

Следует также отметить, что логические структуры нормативных правовых предписаний, простых и сложных, могут усложняться за счет наличия в них указаний на отсылки, исключения, ограничения, дополнения, изменения, конкретизацию и т. д., причем указанные элементы могут выступать в определенных сочетаниях друг с другом. Данные элементы могут быть включены в логические структуры предписаний двумя способами. Во-первых, посредством обозначения этих элементов определенными символами и указания данных символов в формулах структур нормативно-правовых предписаний. Причем символы следует указывать при тех компонентах предписаний, к которым они относятся. Во-вторых, посредством определения полного содержания этих элементов и включения их в логическую структуру правовых предписаний в развернутом виде.

Литература

1. Антропов, В.Г. Правовая логика: формализация и определенность правовых модальностей / В.Г. Антропов. — Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1998.
2. Гаврилов, О.А. Изучение права методами математической логики / О.А. Гаврилов // *Вопр. кибернетики и право: сб. науч. ст. / МГУ; под ред. В.Н. Кудрявцева.* — М., 1967.
3. Гаврилов, О.А. Логико-семантический анализ правовой нормы / О.А. Гаврилов // *Правовая информатика: сб. науч. ст. / под ред. О.А. Гаврилова.* — М., 1996. — Вып. 1.
4. Ивин, А.А. Логика норм и теория права / А.А. Ивин // *Правовая кибернетика: сб. науч. ст. / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме «Кибернетика».* — М: Наука, 1973.
5. Лобовиков, В.О. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права / В.О. Лобовиков. — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1984.
6. Ольшанецкий, А.Г. Проблемы формализации правовых норм / А.Г. Ольшанецкий // *Совет. гос. и право.* — 1974. — № 2.
7. Пошкявичюс, В.А. Применение математических и логических средств в правовых исследованиях / В.А. Пошкявичюс. — Вильнюс: Минтис, 1974.
8. Чернобель, Г.Т. Формализация норм права / Г.Т. Чернобель // *Совет. государство и право.* — 1979. — № 4.
9. Шibaева, Л.А. К вопросу о формализации правовых норм / Л.А. Шibaева // *Вестн. МГУ. Сер. Право.* — 1977. — № 1.
10. Гаврилов, О.А. Курс правовой информатики: учеб. для вузов / О.А. Гаврилов. — М.: Норма, 2000.
11. Алексеева, Л.Б. Некоторые вопросы структуры уголовно-процессуального права / Л.Б. Алексеева // *Вопр. борьбы с преступностью.* — 1974. — Вып. 17.
12. Земляной, М.И. Некоторые проблемы современной логики в праве: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.626 / М.И. Земляной; Одес. гос. ун-т. — Одесса, 1970.

13. Парфентьев, А.Л. Нормативно-правовое предписание и его виды: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.Л. Парфентьев. — М., 1980. — 130 л.

14. Старченко, А.А. Анализ логической структуры нормативно-правовых высказываний / А.А. Старченко // Логика и методология научного познания: сб. ст. / МГУ; под ред. А.А. Старченко. — М., 1974.

Статья поступила
в редакцию 04.06. 2012 г.

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ КАК КОНСЕНСУАЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Важной задачей, стоящей перед странами современной Европы, идущей по непростому пути интеграции экономики и финансов, является задача формирования общеевропейского права. Римское частное право — та основа, которая способна стать фундаментом в деле строительства нового европейского права, поскольку ее система и принципы использовались при формировании всех правовых систем стран современной Европы. Не является исключением в данном вопросе и правовая система Республики Беларусь, в частности институты договорного и обязательственного права, где одну из ключевых позиций занимают консенсуальные соглашения. Исходя из этого, предметом данного исследования был избран договор купли-продажи как один из видов консенсуальных соглашений, который широко применялся в римском частном праве и реципирован в право многих стран современного мира.

По мнению многих авторитетных исследователей истории права, консенсуальные контракты в римском частном праве утвердились в III в. до н. э., т. е. в классический период римской истории, когда земледельческо-пастушеский Рим перешел к активной политике завоевательных войн, начал участвовать в международной торговле и вступил в сферу монетарной экономики [1, 249—250; 2, 378; 3, 380]. В отношении последнего условия следует отметить, что чеканка первых римских монет началась в этрусских городах в конце V в. до н. э. Чеканились они из золота, электра, серебра и бронзы и первоначально имели изображение только на одной стороне [4, 55].

В середине IV в. до н. э. монеты начали отливать уже в Риме. Это были медные слитки весом в римский фунт (273 г), без изображений, которые получили название тяжелый асс (aes grave) [5, 286]. В конце IV в. до н. э. на нем появляются изображения животных — быка, свиньи, орла и т. д. (асс с изображением — aes signatum). Однако эти тяжелые и громоздкие слитки были малопригодны для торговли.

Одной из первых римских монет традиционного вида была медная монета достоинством в один асс, отчеканенная в 290 г. до н. э. в честь победоносного окончания третьей Самнитской войны. На ее лицевой стороне изображена богиня Рома, а на реверсе — бык с надписью Roma [6, 42]. В 269 г. до н. э. в Риме появились серебряные монеты — денарии. Денежная едини-

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.